

ЧАСТЬ II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

НОВАЯ ФАЗА В ПОЛИТИКЕ ЭКСПАНСИИ КРЕМЛЯ

Советская политика экспансии вступила после Хрущева в новую фазу развития. Эта фаза связана со структурной передвижкой власти наверху в сторону сталинизма и непомерным усилением закулисного влияния советских милитаристов на общую политику Кремля. Логическим следствием этого была не только реабилитация Сталина как „великого полководца”, но и ревизия „ревизионизма” XX съезда по вопросам ленинского учения о политической стратегии и тактике в международных делах. На этой основе вновь сформулированы старые цели и новые задачи. Мы хотим попытаться рассмотреть их, не претендуя ни на полноту анализа, ни на безапелляционность наших выводов.

1

Когда мы анализируем исходные позиции идеологии большевизма, нас не может не поразить одно парадоксальное явление: глобальная идеология, основанная на застывших догмах, и глобальная политическая стратегия ее осуществления, основанная на эластичных доктринах. Довольно распространенное мнение, что большевистская партия есть партия догматическая, базируется на этом кажущемся доминировании идеологии в действиях партии. Насколько ее идеологическая вера антинаучна и бескомпромис-

сна, настолько же ее политическая стратегия прагматична и динамична. Да, марксистская вера — первична, но ее назначение утилитарно: она должна служить практике. Ленин был прав, когда констатировал, что идеология марксизма служит большевикам для обоснования их политических доктрин в борьбе за власть. Поэтому все теории о партии и революции Ленина и его преемников пронизаны одной руководящей идеей: примат интересов власти над интересами чистоты догм. Вот почему власть — константная величина, а идеология — служанка власти. Неукротимое стремление к тотальному господству — это и есть, пользуясь терминологией Фрейда, социальное „либидо” большевизма. Поскольку большевизм поставил перед собой цель любой ценой и при любых условиях захватить политическую власть в России, объявив свою революцию социалистической, а власть — „диктатурой пролетариата”, то Ленину пришлось поступить с Марксом так же, как Маркс в свое время поступил с Гегелем, — перевернуть Маркса с головы на ноги. Место всеопределяющей „материи” Маркса занял новый тип идеализма — разум человека с неограниченной „волей к власти”, которым определяется и сама материя, место имманентных марксистских законов революции — „субъективный фактор” (партия), которая (перескакивая через исторические этапы) может и должна перевернуть весь мир. Не объективная материя, а субъективная воля, — вот что определяет, по Ленину, направление и судьбы всемирно-исторического процесса. Так родился волюнтаристский большевизм, который подверг марксизм коренной ревизии слева в вопросах революции, но которым он предпочел прикрываться как фиговым листком.

Для соблюдения внешней преемственной связи с

марксизмом Ленин сочинил теорию о новой эпохе империализма, при котором торжествует та же самая пролетарская революция, но марширует она не по Марксу, а против Маркса — с Востока на Запад. Так была обоснована доктрина о победе революции сначала в „слабом звене” империализма с тем, чтобы страна победившего социализма стала базой для прорыва и уничтожения всей цепи империализма. Вот почему Ленин с первых же дней захвата власти заявил, что историческая миссия советской России — создание „мировой советской республики” по образу и подобию самой советской России (В.И. Ленин, Соч., 3-е изд., т. XXIV, стр. 150).

Истинной веры в коммунизм как в социальное гармоничное общежитие человечества, при котором отмирает насилие, у советских коммунистов не было при Ленине — Сталине, как нет ее и после них. Поэтому большевики легко и без какой бы то ни было внутренней борьбы жертвовали чистотой своих идеологических риз, если этого требовали интересы власти. В истории советской диктатуры бывали кризисы, когда на карту ставилась судьба режима и его можно было спасти только путем идеологической капитуляции перед империализмом. Ленин, ни на минуту не колеблясь, шел на это (Брестский мир). Бывали такие соблазнительные международные ситуации, которыми можно было воспользоваться в интересах расширения зоны своего господства, но ценой идеологической капитуляции, — Сталин, не задумываясь, шел на это (пакт Риббентропа — Молотова). Точно так же поступил и Хрущев, когда ему показалось, что переворот, произведенный термоядерным оружием в военной технике, требует пересмотра не только военной, но и политической стратегии большевизма. Отсюда ревизия ленинизма на

XX съезде. В интересах сохранения власти и расширения ее господства за пределы стран коммунизма, не рискуя самоубийственной атомной войной, Хрущев пожертвовал некоторыми компонентами ленинизма, которые до сих пор признавались священными.

Таким образом, доктрина мировой политической стратегии большевизма и ее инструмент — советская дипломатия — допускают и даже предписывают самые невероятные метаморфозы, если этого требуют интересы дела, но они никогда не упускают из виду главного — власти.

Если Запад (собственно, США) только за послевоенное время прошел через периоды *пересмотра* мировой политической стратегии — от „сдерживания” и „конфронтации” до нынешней „кооперации” с советским коммунизмом, — то Советский Союз знал и всегда знает лишь одну генеральную линию: конфронтацию. Конечно, советская конфронтация, как и до войны, проходит через разные формы и фазы (периоды вынужденных компромиссов, отступлений, „передышек”), но все это происходит в целях набирания новых и перегруппировки старых сил для подготовки нового наступления. Даже обороняющийся коммунизм насквозь агрессивен. „Миролюбивый коммунизм” — такое же противоестественное понятие, как жаркий лед или сухая вода. Дело здесь не в характере или иррациональном мышлении меняющихся лидеров Кремля, а в природе неменяющегося идеократического режима: историческая миссия этого режима, по Ленину, глобальна, а метод ее осуществления один — насилие.

Насилие, по Ленину, не „повивальная бабка” (как у Маркса), которая лишь помогает при родах старого общества, беременного революцией: наси-

лие — единственное и ультимативное средство для организации самой революции. Поэтому Ленин глубоко убежден не только в закономерности перманентной идеологической конфронтации СССР с остальным миром, но и в необходимости, в конечном счете, военного решения вопроса „кто кого”. Бесчисленны высказывания Ленина на этот счет и излишне будет привести некоторые из них. В 1915 году в статье „О лозунге Соединенных штатов Европы”, обосновывая свое знаменитое положение о возможности победы социализма в одной стране, Ленин тут же добавлял, что социализм в одной стране не самоцель, а средство для создания коммунистических Соединенных штатов мира. Он писал: „Соединенные штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения, которую мы связываем с социализмом, пока полная победа коммунизма не приведет к исчезновению всякого, в том числе и демократического государства” (т. XVIII, 3-е изд., стр. 232).

Однако в силу закона неравномерного экономического и политического развития разных стран при империализме, социализм первоначально может победить в одной стране, но Ленин убежден, что „победивший пролетариат этой страны, ...организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира... поднимая восстания... выступая в случае необходимости даже с военной силой против их эксплуататорских классов и их государств” (т. XVIII, 3-е изд., стр. 233).

Это было до захвата власти большевиками. В докладе же на VII съезде партии (1918) Ленин провозгласил как законы, во-первых, невозможность длительного модус вивенди между коммунистической

Россией и Западом (тогда модного слова „существование” еще не было), во-вторых — императивную задачу большевиков распространить и утвердить свой коммунизм во всем мире. Вот его слова: „Международный империализм... ни в коем случае, ни при каких условиях не мог бы ужиться рядом с Советской республикой. *Тут конфликт является неизбежным.* Здесь величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узко национальной, к мировой” (т. XXII, 3-е изд., стр. 17).

Когда же Советская Россия приступит к выполнению этой своей исторической миссии? На собрании партийных секретарей Москвы в ноябре 1920 года Ленин дал ответ, ясность которого не уступает его циничности: „Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот” (т. XXV, 3-е изд., стр. 500).

Ленин до конца дней остался верным своему новому „марксистскому открытию” о том, что: 1) войны при империализме фатально неизбежны; 2) войны — источник революции; 3) историческая миссия СССР — организация мировой революции. Поэтому Ленин строил свою политическую стратегию не только на подготовке СССР к новой войне, но и на разжигании войн между чужими государствами. Ленин учил своих последователей: „Надо уметь поставить свои силы так, чтобы они (иностранные государства. — А.А.) передрались между собою, так как всегда, когда два вора дерутся, честный человек от этого выигрывает”. Короче: „практическая задача коммунистической политики есть задача использования этой вражды, стравливая их друг с другом” (т. XXV, 3-е изд., стр. 500, 502).

Поэтому стратегия Ленина абсолютно не допускает возможности заключения договора о разоружении между советской Россией и западными странами, ибо, с одной стороны, разоруженная Россия была бы лишена возможности оказать военную поддержку революциям в других странах, а с другой, — войны между этими разоруженными странами, как источник революций, автоматически отпали бы из-за разоружения. Вот почему Ленин внес в Программу партии 1919 г. специальный пункт, в котором сказано: „Лозунги пацифизма, международного разоружения являются не только реакционной утопией, но и прямым обманом трудящихся” (КПСС в резол., 1954, ч. I, стр. 412).

Когда Ленину указывали на скользкость и политическую уязвимость теории „война как источник революции”, он ссылаясь на Энгельса: „В отличие от людей, которые искажают марксизм... что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создает не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах”; „он говорил, что это будет: „либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой” (VII съезд РКП (б), стенографический отчет, 1962, стр. 140).

Обращаясь к другим странам, Ленин особенно настойчиво подчеркивал, что „большевизм годится как образец тактики для всех” (т. XXIII, 3-е изд., стр. 386) и что советский опыт диктатуры пролетариата „показывает всем странам... весьма существенное, *из их неизбежного и недалекого будущего...* Отсюда международное значение советской власти, а также основ большевистской теории и тактики” (т. XXV, 3-е изд., стр. 171-172).

Ленинская концепция международных отношений была идеологическим кредо и программой действий до тех пор, пока Хрущев не внес в нее собственный вклад на XX съезде (1956). Этот вклад Хрущева Пекин оценил как самую злокачественную „ревизию” ленинизма. Однако в своем „ревизионизме” Хрущев руководствовался весьма трезвыми мотивами: появление термоядерного оружия повелительно диктовало пересмотр ленинского учения о войне как источнике революции. Новая термоядерная война не может быть „продолжением политики другими средствами”, ее итогом будет не мировая революция, а мировая катастрофа. Даже локальные войны с применением обычного оружия, в которых задеты интересы атомных держав, превратятся в одну общую войну. Поэтому XX съезд решил, что „фатальной неизбежности войн нет”, война — не источник революции (XXII съезд) и что альтернативой войне является „мирное сосуществование”. Отсюда были сделаны выводы и в отношении ряда ведущих основ доктрины Ленина о мировой пролетарской революции, о диктатуре пролетариата, о путях к власти и о формах социализма (коммунисты к власти могут прийти не только через восстание, но и через завоевание парламентского большинства, советская модель социализма необязательна для других стран и т.д.).

Послехрущевское руководство стало на путь ревизии „ревизионизма” XX съезда, не отказываясь от выгод созданного им психологического климата в мире. К ревизии решений XX съезда коллективное руководство пришло не сразу, далеко не добровольно и, по всей вероятности, не единодушно. Решаю-

щее влияние здесь оказал советский генералитет. В той же мере, в какой росли центробежные силы в коммунистическом лагере, обязанном своим возникновением либо прямой военной помощи Советской армии, либо военно-материальной помощи советского правительства, советская военная клика усилила свое давление на партийное руководство с целью легализации права армии на вооруженную интервенцию в тех случаях, когда тот или иной сателлит проявляет нелояльность к „пролетарскому интернационализму” (то есть советской гегемонии) или становится на „другой путь социализма”, нежели советский.

Аргументов в пользу этого требования у генералитета было более чем достаточно. Антисоветская революция в Венгрии осенью 1956 года; неудавшийся, но угрожающий польский „октябрь” того же года; открытый идеологический и политический разрыв Пекина с Москвой (внешним поводом которого послужил „ревизионизм” того же XX съезда); „нейтралитет” коммунистической Кореи и Вьетнама в конфликте между Москвой и Пекином, несмотря на превосходящую, по сравнению с китайской, материальную и военно-техническую помощь им со стороны СССР; измена Албании в пользу Китая; вызывающая демонстрация своей самостоятельности со стороны Румынии; подчеркивание Кубой полной независимости от СССР, хотя своим существованием она обязана именно экономической помощи и военно-политическому покровительству СССР; невозвращение Югославии в советский блок, несмотря на официальное признание советской стороной правомерности ее формы социализма и неправоты Сталина в конфликте с Тито; наконец, переворот Дубчека в Чехословакии (выбор им со-

циализма с „человеческим лицом”) — все эти события показали, что легализация на XX съезде иных путей к социализму, кроме ленинского, советского, была катастрофическим просчетом в „союзнической” стратегии Кремля.

Правда, этот курс был рассчитан на установление гармонии внутри коммунистического лагеря, но он достиг прямо противоположных результатов. Руководство СССР потеряло свой морально-политический авторитет в Азии и чувствительно поколебало основы советской империи в Европе. Раньше политического руководства контуры образовавшейся опасности заметило военное руководство СССР, которое Сталин учил думать не формулами догматической болтовни, а материальными категориями военной стратегии. Чашу терпения советского генералитета переполнила Чехословакия. Под его прямым давлением Политбюро (после вероятного колебани и безуспешных попыток заключить компромисс с Дубчеком) решило оккупировать Чехословакию и одновременно провозгласило: выход из советского блока любого восточноевропейского государства автоматически вызовет военную интервенцию СССР. Это заявление Кремля было сформулировано языком коммунистического жаргона о „помощи братьям” по долгу „пролетарского интернационализма”. На Западе это заявление было названо „доктриной Брежнева”, хотя ничего нового, специфически брежневского в нем нет. Военная клика и Политбюро просто восстановили в своих правах ленинскую доктрину об обязательности советского пути для всех стран, столь опрометчиво пересмотренную XX съездом. Но самое главное и опасное для дела мира не в этой „доктрине Брежнева” (как бы бесчеловечны ни были выводы из нее для народов Восточ-

ной Европы), а в другом факте, который удивительным образом ускользнул от внимания даже всезнающих „кремленологов”: *Кремль реабилитировал учение Ленина и о неизбежности войн и о том, что войны — источник революции.* Даже в атомную эпоху возможны войны без применения стратегического атомного оружия — ограниченные локальные войны.

На XXII съезде (1961) советский министр обороны маршал Малиновский в полном согласии с тогдашней политической стратегией Кремля отвергал концепцию „ограниченных войн” на том основании, что „в современных условиях любой вооруженный конфликт неизбежно перерастет во всеобщую ракетно-ядерную войну” (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, 1961, стр. 112—113). Теперь советские военные и политические лидеры так не думают. Правда, советские военные теоретики из генералов и маршалов во главе с Соколовским еще во время Хрущева не разделяли этой официальной точки зрения о неизбежном перерастании любого конфликта во всеобщую войну. Они говорили только об „опасности такого перерастания, если в ограниченной войне будет применено тактическое ядерное оружие” („Военная стратегия”, под ред. маршала Соколовского, 1963, стр. 96). Однако и они продолжали говорить, что американская концепция „ограниченных войн” представляет собою „авантюристический расчет американских империалистов”, но в издании „Военной стратегии” 1968 года этот пассаж начисто вычеркнули. Какой же тут „авантюризм”, если сам СССР безнаказанно, без развязывания мировой войны участвовал или участвует прямо или косвенно, с огнем или без применения огня в ряде „ограниченных войн” или „вооруженных конфликтов” (2-я ок-

купация ЧССР; оккупация Венгрии; вооруженный конфликт на советско-китайской границе; косвенное участие в войнах во Вьетнаме и на Ближнем Востоке).

Что же касается Запада, то маршал Гречко констатирует, что „уже после окончания второй мировой войны империалисты развязали более трех десятков „малых” войн (кавычки Гречко. — А.А.), осуществили сотни вооруженных акций во многих районах земного шара” без того, чтобы они переросли в мировую атомную войну („Правда”, 23.2.71). Мораль отсюда ясна — то, что позволяют себе „империалисты”, нам сам ленинский бог велел. Отсюда и ревизия решений XXII съезда о том, что „любой вооруженный конфликт неизбежно перерастает во всеобщую ракетно-ядерную войну”. Таким образом, доктрины американских военных мыслителей об „ограниченных войнах”, против которых так решительно выступало хрущевское руководство, нынешнее военное и политическое руководство признало правомерными. Американские военные ученые (Тэйлор, Киссинджер, Броди), по иронии судьбы, внесли свой вклад в дело реабилитации учения Ленина о возможности или неизбежности войн, хотя бы ограниченных (даже с применением тактического атомного оружия), без того, чтобы была развязана мировая атомная война.

3

Для формулирования целей и задач новой фазы советской политической стратегии эти факты имели выдающееся значение. Стало очевидным, что невозможно анализировать советскую политическую стратегию, без учета советской военной стратегии и доктрины. Теперь все яснее становится, что направ-

ления, темпы, приоритеты и география советской политической стратегии диктуются интересами советской военной стратегии. Что самое поразительное и беспрецедентное в истории коммунистической диктатуры в СССР — это то, что военная стратегия отныне разрабатывается не политиками, как это было при Ленине, Сталине и Хрущеве, а генералами. Мы имеем на этот счет свидетельство из первых рук. Видный советский военный теоретик профессор М.Скирдо, в книге, выпущенной в 1970 году в качестве учебника издательством Министерства обороны СССР, пишет: „Важнейшей функцией военного руководства, его органов является разработка и осуществление *стратегических планов войны*, умелое руководство вооруженными силами и *деятельностью всего народа*, использование всех возможностей для достижения политических целей войны” (М.П.Скирдо, „Народ, армия, полководец”, 1970, Военное издательство Министерства обороны СССР, стр. 150). Автор только теоретически признает, что директивная роль принадлежит политическому руководству, делая несвойственное большевизму противопоставление политического руководства стратегическому: „Политическое руководство указывает стратегическому руководству, где и как должны быть использованы вооруженные силы, чтобы добиться намеченных военно-политических целей. Но при этом и в современных условиях сохраняется *определенная самостоятельность высшего военного руководства...*” (там же, стр. 104).

Это уже совершенно ново. Это результат веяний нового времени. Еще до войны, когда начальника Генерального штаба Красной Армии маршала Шапошникова попросили прочесть в Академии курс лекций по стратегии, он благоразумно отказался от

этого ссылкой на то, что вопросы стратегии входят в прерогативы тогда еще не „генералиссимуса” Сталина. Сейчас обозначилась другая тенденция: военная стратегия становится не только компетенцией высшего военного руководства, но она еще имеет все шансы превратиться из бывлой служанки в повелительницу советской политической стратегии.

Советский генералитет не далек от того, чтобы перефразировать известную формулу Пуанкаре: мировая политическая стратегия слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было доверить „замполитам” из Политбюро. Свой курс на милитаризацию советской внешней политики руководители и теоретики советского высшего военного руководства оправдывают одним тезисом, который присутствует во всех их писаниях и который они считают аксиомой: Америка замышляет атомную войну против СССР. Военное руководство выдвинуло теорию, согласно которой между успехами коммунизма в СССР и ростом опасности нападения на СССР существует прямая органическая связь — чем больше преуспевает коммунизм, тем яростнее наступает враг. Чтобы придать этой теории больше веса, маршал Гречко призвал на помощь Ленина: „Ильич прозорливо предупредил: „Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходить в более решительные наступления” („Правда”, 23.2.71). То же самое, почти в таких же выражениях Сталин говорил на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году о связи между успехами социализма в СССР и активизацией его внутренних врагов: чем больше успехи социализма, тем яростней контрнаступление внутренних врагов. Какой он отсюда сделал вывод, хорошо известно: СССР погрузился в беспримерную

в истории инквизицию, названную народом „ежовщиной”.

Какой вывод сделал Гречко из своей теории в международном масштабе, мы не знаем, но вывод Кремля может быть сформулирован так: советская политическая стратегия должна опираться на принцип превосходства советских вооруженных сил над силами США. Если вообще существует какая-либо „доктрина Брежнева”, то именно „доктрина превосходства советских вооруженных сил”. Сам Брежнев сформулировал эту доктрину довольно осторожно, заявив, что „на любые попытки с чьей-либо стороны обеспечить себе военное *превосходство над СССР* мы ответим должным увеличением военной мощи” („Правда”, 23.2.71). Но вышецитированный советский военный теоретик выражается на этот счет яснее. Он пишет, что „решающее значение ныне приобретают не потенциальные экономические возможности государств, которые можно привести в действие в ходе войны, а соотношение тех сил и средств, которыми вступившие в борьбу стороны располагали еще до начала военных действий” (М.Скирдо, цит. соч., стр. 97). „Главное, решающее состоит в том, какая сторона сумеет добиться *перевеса* своих сил над силами противника” (там же, стр. 99). Автор добавляет, что политическое руководство должно „учитывать соотношение своих сил и сил противника и *добиваться его изменения* в свою пользу” (там же, стр. 113), „обеспечения военно-технического *превосходства* над противником” (там же, стр. 126). Маршал Гречко на XXIV съезде уже официально провозгласил „доктрину превосходства советских сил” в следующих словах: „Советский Союз способен на силу ответить *превосходящей силой*” („Правда”, 3.4.71).

Если советская военная доктрина такова, то вывод не вызывает сомнения: советская военная стратегия основана на принципе превосходства сил.

Интересы и задачи этой военно-политической стратегии потребовали пересмотра идеологических и тактических установок XX съезда. Начали с интерпретации пресловутого „сосуществования”. Вспомним, что говорилось в решении XX съезда о „сосуществовании”, а потом интерпретацию, данную Брежневым этому тезису на XXIII съезде (1966). В резолюции XX съезда сказано: „Генеральной линией внешней политики Советского Союза был и остается ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем” (XX съезд КПСС. Стенографический отчет, 1961, ч. II, стр. 413). Этой формулы теперь вы нигде не встретите в советской печати. Она молчаливо признана антиленинской (не без влияния Пекина). „Генеральная линия” отныне — не „сосуществование”, а борьба за интересы коммунизма в национальном, континентальном и межконтинентальном масштабе. „Сосуществование” из лексикона советских генералов исчезло и перекочевало в ведомство Громыко. Но и там его толкуют уже по-новому, по-брежневски. Вот интерпретация генсека: „Советский Союз рассматривает сосуществование государств как форму *классовой борьбы* между социализмом и капитализмом” (Материалы XXIII съезда КПСС, доклад Брежнева, 1966, стр. 29).

Вывод XX съезда о том, что „войны не неизбежны”, отпадает по той простой причине, о которой ясным военным языком сказано в упомянутой книге Министерства обороны СССР: „Коммунисты поддерживали и будут поддерживать войны в защиту социалистических завоеваний, справедливые нацио-

нально-освободительные войны, восстания народов против империалистического гнета... В своей справедливой войне против внутренней и международной реакции... народы всегда встречают поддержку Советского Союза" (М.Скирдо, цит. соч., стр. 27).

Кремль восстановил в своих правах не только учение Ленина о войнах как источнике революции, но и всю доктрину Ленина о путях и методах осуществления революции и о формах и методах строительства социализма, которая подверглась ревизии на XX съезде. Если на XX съезде было решено, что могут быть „разные формы" социализма и что коммунистические партии в капиталистических странах могут прийти к власти не только через вооруженное восстание, но и через парламент, перетянув на свою сторону большинство избирателей, а некоторые влиятельные компартии на Западе (итальянская, французская) даже говорят о сохранении парламента и многопартийной системы вместо „диктатуры пролетариата", то нынешнее руководство КПСС от всего этого отказывается. Оно и в этих вопросах вернулось к исходным позициям ленинизма. Выступая с докладом о столетии со дня рождения Ленина, Брежнев сказал: „Исторический опыт (т.е. опыт Венгрии и Чехословакии. — А.А.) со всей ясностью подтвердил мысль Ленина о том, что особенности в развитии стран социализма „могут касаться только не самого главного" и что такие „особенности", как социалистическая революция, диктатура пролетариата" и монополия власти коммунистов обязательны, по Ленину, для всех („Правда", 22.4.70). В докладе „О столетии Парижской коммуны" (17.3.71) Политбюро устами секретаря ЦК Б.Пономарева повторило это заявление Брежнева: „Ленинские оценки роли Коммуны сохранили свою свежесть и актуальность в наше время", а именно: 1) „необхо-

димось диктатуры пролетариата для победы социалистической революции”; 2) „необходимость слома буржуазной государственной машины, замены ее новым пролетарским государством”; 3) „факты вновь и вновь подтверждают ленинскую мысль, что правящий класс... никогда добровольно не уйдет со сцены и не откажется от власти” („Правда”, 18.3.71). То есть — парламентский путь к власти для коммунистов отпадает.

Политбюро убеждено, что мир находится накануне неизбежной мировой революции. Она неизбежна, по мнению Кремля, потому, что: 1) для нее уже созрели условия и сложились объективные предпосылки в западных странах; 2) СССР будет оказывать ей максимальную помощь.

Пономарев, который считается главным экспертом ЦК по вопросам международного коммунизма, по поводу первого пункта сказал: „Объективные предпосылки для перехода к социализму в основных центрах капиталистической системы давно сложились... В ряде стран несоциалистической зоны обстановка такова, что накопленного годами и десятилетиями горючего материала достаточно, чтобы прорвать оболочку капиталистического господства”, и предупреждающе добавил: „Все зависит от умения использовать имеющиеся возможности” („Правда”, 18.3.71). В отношении второго пункта мы имеем не менее авторитетные заявления секретарей ЦК. Так, выступая по поручению Политбюро с докладом о Ленине, секретарь ЦК И.Капитонов сказал: „Наша партия была и остается верной завету Ленина — делать „максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах” („Правда”, 23.4.69). Это же повторил сам генеральный секре-

тарь Брежнев, выступая на торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения Ленина: „Да, Ленин родился в России, но российскую революцию он никогда не представлял себе иначе, как *составную часть и фактор революции мировой*” („Правда”, 22.4.70). Пономарев, как бы комментируя обоих своих коллег, дополнил: „Международные условия для борьбы за социализм во всемирном масштабе сейчас более благоприятны, поскольку интернациональный пролетариат теперь располагает такой могучей силой, как мировое социалистическое содружество” („Правда”, 18.3.71).

Таким образом, новая фаза в советской политической стратегии характеризуется полнейшей ревизией решений XX съезда, возвратом к ленинским доктринам революционной экспансии, констатацией наличия сегодня созревших условий для мировой революции и подчеркиванием готовности СССР сделать „максимум возможного” для ее поддержки.

Мы сейчас проходим через тот этап в мировой политике, когда явно обозначились две противоположные тенденции двух сверхдержав — в то время как Америка склонна к *сужению* своей активности в глобальном масштабе, СССР стремится к *расширению* сфер своего присутствия во всех частях мира; в то время как Америка предлагает „кооперацию вместо конфронтации”, СССР проповедует „справедливые войны” и восстания в тылу Запада и в третьем мире; в то время как Америка начала в военной стратегии переход от „превосходства сил” к „балансу сил”, от „массированного ответного удара” (а потом „гибкого реагирования”) к теперешней стратегии „достаточной термоядерной мощи” для „реалистического устрашения”, — СССР держит курс на „превосходство сил”.

Министр обороны США Лэйрд сказал, что Америка не хочет играть роль „мирового полицейского”, однако политическая природа тоже не терпит пустоты — откуда будет уходить Америка, туда будут приходить СССР и Китай. Они, конечно, будут приходить и туда, где Америка вообще не бывала. На то коммунистическая стратегия и глобальна.

4

Без старческого упрямства Сталина, без авантюристической импровизации Хрущева, без показной саморекламы своей истинной мощи Кремль ведет двойную игру — в пропаганде и открытой дипломатии он проповедует мир на земле, а в своей мировой революционной политике и закулисной дипломатии он плетет сеть конспирации в тылу свободного мира и интриги в лагере его оборонительной коалиции. При этом он не играет ва-банк, а действует наверняка, не выступает одновременно против всех врагов, а по очереди, с таким расчетом, чтобы действовать против врага № 1 в союзе с врагом № 2, против врага № 2 в союзе с врагом № 3. Таково одно из требований ленинского тактического искусства. Успешность такой тактики Сталин блестяще продемонстрировал внутри страны против разных партийных оппозиций, вне страны — во время второй мировой войны. Кремль имеет точно разработанную концепцию того, чего он хочет во всех странах вместе и в каждой стране в отдельности. Он имеет и обоснованную доктрину, как это осуществить.

В основе этой доктрины лежат две идеи Ленина: идея о „слабом звене” и идея об „особом звене”. Для Ленина мировой капитализм эпохи империализма — это единая цепь, состоящая из ряда националь-

ных звеньев. Сразу разорвать всю цепь невозможно никакой революцией, поэтому надо сначала взорвать „слабое звено“, чтобы потом разложить всю цепь звено за звеном. Идея „особого звена“ возникла после захвата власти и она сводится к тому, что „надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену“ (Ленин, ПСС, т. 36, стр. 205). Идеи „слабого звена“ и „особого звена“ Кремль применяет не только к революциям, но и для разложения коалиции своих потенциальных врагов.

Проиллюстрируем сказанное на двух показательных примерах.

„Слабым звеном“ в НАТО Кремль считал Францию — не только из-за большой антиамериканской французской компартии, но из-за живучести старомодного национализма французов и своеволия генерала де Голля. Хрущев в свое время, подогревая французский национализм и честолюбие генерала, говорил, что Франция — великая нация, но, чтобы стать великой мировой державой, ей надо перестать быть сателлитом Америки. Конечно, Франция не вышла из Атлантического военного союза, чтобы угодить Москве, но в политике важны не мотивы, а последствия. Однако Франция, будучи „слабым звеном“, все же не являлась „особым звеном“, ухватившись за которое, можно разложить всю цепь атлантической коалиции в Европе. „Особым звеном“ в глазах Кремля — в силу экономического потенциала, технического уровня, людских резервов и стратегического положения в сердце Европы — является Федеративная Республика Германия. Смена правительства в Германии (с переориентацией немецкой и восточной политики) сделала из этого

важнейшего европейского союзника НАТО объект наиболее далеко идущих вожделений Кремля. Только эта Германия, покинувшая Атлантический военный союз, по примеру Франции, открыла бы шлюзы коммунистическому наводнению вплоть до Ламанша. В Кремле хорошо знают, что такая перспектива в нынешних условиях почти невероятна, но ее не считают безнадежной в будущем. Потому что в Кремле также хорошо учитывают, что почти нет такой цены (конечно, кроме потери свободы), которую немцы не заплатили бы за нормализацию внутригерманских отношений в настоящем (открытие границ, ликвидация Стены) и за создание условий воссоединения обеих Германий в будущем. А все это зависит исключительно от Москвы.

Отсюда переориентация боннской восточной политики при новом социал-либеральном правительстве. Какой бы спорной ни была такая переориентация даже среди самих немцев, для ее беспристрастной оценки нам недостает знания, во-первых, ее „внутренней концепции” (если, конечно, таковая есть), а во-вторых, — ее „границ”. Она таит в себе и преимущества и опасности для обеих сторон (последние не столько для СССР, сколько для Германии); весь вопрос в том, кто наилучшим образом воспользуется своими преимуществами для достижения поставленной цели. Намерение Кремля более чем очевидно — шаг за шагом вести свою германскую политику в том направлении, в конце которого европейское „особое звено” НАТО окажется оторванным от него, если не юридически, то фактически. Нельзя говорить об иррационализме такой политики Кремля, ибо платежеспособность Москвы почти не ограничена, вплоть до обещания воссоединения Германии.

С немецкой политикой Москвы тесно связана и ее общеевропейская политика. В последние годы созыв общеевропейского совещания по вопросам „безопасности и сотрудничества” стал как бы идефиксом Кремля. Культивируя чувство „общеевропейского сообщества” в противовес чувству „атлантического сообщества” народов, апеллируя к некому „общеевропейскому патриотизму”, Москва как бы воскресила лозунг де Голля: за Европу от Атлантики до Урала. Но ее цели другие, чем у де Голля: вбить клин между Европой и Америкой, создать ложное чувство зависимости безопасности Европы от самих европейских народов, ввести через черный вход в семью европейских народов своего незаконнорожденного ребенка — Германскую Демократическую Республику, предупредить дальнейшую экономическую и политическую интеграцию стран Европейского экономического сообщества, создать даже какой-то вид общеевропейской „унии”, чтобы найти организационную форму для легализации своей роли гегемона Европы. Для осуществления этих целей Кремль выдвигает странный в его устах лозунг: „Нет — расколу, да — единству Европы” („Правда”, 23.3.71, статья Ю.Жукова). Странным я называю этот лозунг Кремля потому, что как теория о непримиримом, антагонистическом расколе Европы на два лагеря (на лагерь социализма и лагерь капитализма), так и практика возведения против свободной Европы „железного занавеса” принадлежат именно Кремлю.

Из внеевропейских объектов советской экспансии надо указать на два района, где СССР, применяя один и тот же метод, преследует разные цели — Индокитай и Ближний Восток. Там и здесь главный метод экспансии — поставки советского оружия, но

советская цель в Индокитае — недопущение гегемонии Китая и максимальное обеспечение собственного влияния, цель же на Ближнем Востоке — далеко идущая: это превращение военно-конъюнктурной зависимости Египта, Сирии, Ирака от СССР в длительную и прочную государственно-политическую зависимость. Для достижения как первой, так и второй цели нужно, чтобы в этих районах продолжалась война или состояние, близкое к ней. Поэтому, например, Кремль предпочитает присутствие американцев во Вьетнаме победе Северного Вьетнама при помощи Китая. То же самое и в отношении Ближнего Востока. Едва ли СССР заинтересован в данных условиях в развязывании новой израильско-арабской войны, но он еще менее заинтересован в длительном и прочном мире в этом районе. Вряд ли заинтересован он и в уничтожении государства Израиль (ведь тогда отпадает причина присутствия здесь СССР). Интересам советской политической стратегии больше отвечает ситуация „ни войны, ни мира” между Израилем и арабами. Кремлевские стратеги хорошо и до сих пор успешно пользуются другим фактором — ограниченностью возможностей Белого дома для свободного маневрирования в израильско-арабском конфликте. Трагедия заключается в том, что ни арабы, ни израильтяне не хотят „видеть за лесом деревьев”. Наследственные черты юго-восточного темперамента — взрывчатость эмоций и злопамятность — делают их близорукими перед чудовищной опасностью, которая одинаково нависла над обоими народами, — перед советским коммунистическим империализмом. Смертельно опасными для Израиля окружающие арабские страны будут лишь тогда, когда они станут сателлитами СССР. Кремль держит курс на это. Если Советскому

Союзу это удастся, тогда вообще отпадает израильско-арабская проблема — на большевизированном Ближнем Востоке водворится такой же „международный мир”, как в самом Советском Союзе.

Важное место в советской политической стратегии занимает вопрос разоружения или ограничения ракетно-ядерного потенциала. Оставим в стороне сложный комплекс специальных технических проблем, связанных с разными видами оружия, определением понятия наступательного и оборонительного, стратегического и тактического атомного оружия или значением американских баз в Европе и т.д. Лучше поставить другой вопрос — есть ли единый ключ к пониманию советской тактики на конференциях по разоружению и ограничению вооружения? Ответить на это трудно, ибо советская политика в данном вопросе находится как бы в заколдованном кругу из-за ряда противоборствующих факторов. Есть факторы, убедительно говорящие за разоружение и ограничение вооружения, с внутренней точки зрения, но есть факторы, столь же убедительно говорящие против — с точки зрения международной. Руководство Кремля находится между молотом и наковальней — между продолжающимся кризисом недопроизводства сельского хозяйства, низкой рентабельностью промышленности (кроме всего прочего, из-за недостатка капиталовложений для ускорения и расширения научно-технической революции), малой производительностью труда, с одной стороны, и между растущим требованием народа поднять его скандально низкий уровень жизни — с другой; между максимальной нагрузкой дня рабочего и минимальным его вознаграждением; между изобилием товаров в сводках Госплана и все еще длинными очередями у магазинов ширпотреба. В этих услови-

ях партийное руководство нуждается в переброске части огромных средств из военной индустрии в гражданское хозяйство. Поэтому СССР нуждается, казалось бы, больше, чем Америка, в успехе переговоров, хотя бы об ограничении фантастически дорогостоящего стратегического оружия (СОЛТ).

Но тут у СССР есть две проблемы, которые в менее острой форме существуют и у США. Одна проблема — коммунистический Китай. Если война между коммунистическим СССР и капиталистическими США зависит исключительно только от самого СССР, то война между коммунистическим СССР и коммунистическим Китаем зависит от Китая и в перспективе более чем вероятна. Но будущий Китай — это грозная ракетно-ядерная держава с неисчерпаемыми человеческими ресурсами. Другая проблема — неподатливый советский генералитет с его доктриной „превосходства советских вооруженных сил”. СССР может выйти из этого заколдованного круга и начать действительные переговоры при двух условиях: при полном „разоружении” советских милитаристов и при привлечении Китая к переговорам о разоружении и ограничении вооружений. То и другое невозможно в нынешних условиях. Чтобы взять под контроль советских милитаристов, СССР нужно сильное и целеустремленное политическое руководство — его сейчас нет; чтобы привлечь Китай — нужно примирение между СССР и Китаем, что сейчас тоже исключено.

Есть еще одно препятствие к успешному завершению переговоров и по разоружению, и по ограничению ракетно-ядерного оружия — это фактор времени. Эти переговоры должны продолжаться вообще до тех пор, пока СССР не добьется окончательного решения задачи „превосходства советских

сил". В этом вопросе между партийным и военным руководством, по всей видимости, нет особых разногласий. Чем раньше Кремль решит эту задачу, тем больше шансов на заключение соглашения.

5

Существенных успехов добились пропагандисты советской идеологической экспансии, правда, не среди мирового пролетариата, а среди мировой буржуазии. Несмотря на периодически повторяющиеся доказательства агрессивности советского империализма вовне и все возрастающую свирепость тиранической системы внутри страны, западные либералы все еще питают иллюзию „либерализации", „перерождения", „конвергенции" и „деидеологизации" советского коммунизма, а левым либералам этот коммунизм нравится и в данном его виде, но жить они предпочитают в странах капитализма.

Антикоммунисты периода „холодной войны" (ее теперь Брежнев переименовал в „идеологическую войну" — смотри дальше) отрекаются от своих прежних убеждений. Европейские суперкапиталисты со своими миллиардами и „ноу-хау" (новой технологией) лезут наперебой в Кремль, чтобы помочь большевикам строить более эффективно их злополучный коммунизм (недаром Ленин говорил, что мы будем выезжать на глупостях, которые делает буржуазия). В западных университетах орудуют сотни новых прокоммунистических лжепророков всех модернизированных „измов" — от марксизма и ленинизма до маоизма и анархизма, — а дезориентированная ими часть студенчества небезуспешно подрубают сук, на котором сидят и эти лжепророки, и они сами.

Политические младенцы Запада за аттестатом зрелости, для карьеры, паломничают в Москву и приходят в неописуемое умиление, побывав на задворках у Брежневых и Косыгиных. В довершение всего этого ООН торжественно *единодушно* отмечает столетие со дня рождения Ленина в специальной резолюции, в которой этот изобретатель беспримерного учреждения в истории инквизиции — ЧК, — подлинный учитель Сталина объявлен „великим гуманистом XX века”.

Пока вся эта „советомания” наблюдается в сферах, в которых не решается судьба человечества, она носит лишь платонический характер. Но опасность станет реальной, если государственные деятели Запада сами окажутся в плену иллюзий, навеянных этой атмосферой. Опасность станет угрожающей, если они и всерьез подумают, что в Кремле сидят лишь ученики „великого гуманиста”. Опасность станет катастрофической, если они, подписав серию бумаг с Кремлем, решат, что они отныне оградили свободный мир от коммунизма.

Конечно, термоядерной войне нет другой альтернативы, кроме сосуществования. Поэтому нужны международные соглашения, способствующие поддержанию мира. Но весь вопрос в том, каковы неписанные концепции сторон, подписывающих такие соглашения. Нам известна только концепция большевиков: „договор есть средство собирания сил” (Ленин, т. XXII, 3-е изд., стр. 334).

Когда мы говорим о тактике и стратегии советской политики экспансии и об одном из инструментов ее осуществления — о советской дипломатии, — мы не должны упускать из виду *своеобразие* советского отношения к международному праву, к международным договорам, *своеобразие* советского ме-

тогда интерпретации прав и обязательств, вытекающих из заключенных договоров. Из практики советской дипломатии известно, что большевики не очень мелочны, когда интерпретируют свои права, не очень щедры, когда нужно выполнять обязательства, не очень щепетильны, когда нарушают или порывают ставшие не выгодными им договоры. Когда сотрудники западногерманского журнала „Шпигель” спросили одного из лидеров Христианско-демократической партии, д-ра Альфреда Дреггера, разве полезно нашей политике исходить из „фигции”, что большевики безусловно хотели бы добраться до Рейна, д-р Дреггер в полном согласии и с идеологией большевизма и с историческими фактами ответил: „Это не фикция; наоборот, это притязания социализма на весь мир. Я констатирую, что СССР порывал до сих пор все договоры о ненападении и дружбе, кроме одного договора, заключенного между Сталиным и Гитлером. Его порвал Гитлер” („Шпигель”, № 8, 1971, стр. 41).

По своему политико-интеллектуальному уровню нынешнее советское руководство не стоит выше западного. Однако у него есть, по сравнению с западным руководством, три преимущества, которые делают его исключительно опасным и высоко мобильным: 1) советское руководство постоянно; 2) советское руководство никому не подотчетно; 3) советское руководство абсолютно свободно от каких-либо моральных норм — о чем мы уже говорили выше.

В связи с празднованием 100-летия со дня провозглашения Парижской коммуны коммунистическое руководство Китая опубликовало большую критическую статью, посвященную не столько Коммуне, сколько Кремлю. Китайские идеологи обви-

няют лидеров СССР в измене коммунизму, в продолжении ревизионистского курса XX съезда. Если коммунизм понимать так, как его практиковал Сталин, то это обвинение бездоказательно. Что же касается „ревизионизма” XX съезда, то мы видели, что новое руководство Кремля пересмотрело его, вернувшись к ортодоксальному ленинизму-сталинизму по всем вопросам стратегии и тактики. Если бы в основе разногласий между Москвой и Пекином лежала лишь одна коммунистическая идеология, то теперь у них не было бы никаких оснований спорить (только по мелкому вопросу простого переименования „диктатуры пролетариата” в „общенародное государство” Кремль еще держится терминологии XXII съезда; это единственный пункт, по которому критика Пекина фактически обоснованна).

В пекинском анализе политики Кремля есть и аргументы, правда, сформулированные не совсем академическим языком, но которым нельзя отказать в логичности и обоснованности. Центральный орган КПК пишет: „Советские ревизионистские ренегаты превратили Советский Союз в рай для кучки бюрократически-монополистических капиталистов нового типа, в тюрьму для миллионов трудящихся... Безразличные к жизни или смерти советских людей, Брежнев и его банда вовсю раздувают *милитаризм* и гонку вооружения, расходуя все больше рублей для производства все большего и большего количества самолетов, пушек, военных судов, управляемых ракет и атомного оружия. Средствами этого чудовищного аппарата насилия эти новые цари угнетают широкие массы внутри страны, поддерживают свое колониальное господство за границей, пытаются установить свой контроль над другими странами (Peking Review, Nr. 12, March 19, 1971, pp. 10-11).

В таких случаях говорят: рыбаки рыбака видит издалека. Можно не сомневаться, что пекинские коммунистические лидеры лучше кого бы то ни было знают природу, средства, намерения политики глобальной экспансии московских коммунистических лидеров, знают хотя бы потому, что эта политика была когда-то совместно разработана Москвой и Пекином.

Советский коммунизм находится в наступлении во всех сферах и на всех участках мировой арены. На XXIV съезде Брежнев охарактеризовал это наступление как „неутихающую идеологическую войну” („Правда”, 31.3.71). С особым удовлетворением советские лидеры зафиксировали на XXIV съезде свои успехи в этой „идеологической войне” на трех участках: 1) в Европе, с заключением советско-германского и польско-германского договоров не только полностью восторжествовала советская политика безусловного признания продиктованных СССР послевоенных европейских границ, в том числе и увековечения раздела Германии, но и создано некое психологическое предмостное укрепление, с которого начнется новое наступление по вытеснению Америки из Европы и по идеологическому минированию самой Европы; 2) в странах „третьего мира” СССР в тесном сотрудничестве с националистическими и „социалистическими” партиями успешно ослабляет позиции Запада, столь же успешно подготавливая почву для победы коммунизма (Брежнев: „Сегодня в Азии и Африке уже немало стран, взявших курс на строительство в перспективе социалистического общества” („Правда”, 31.3.71); 3) в мировом коммунистическом движении Москва окончательно решила вопрос о гегемонии в свою пользу против Пекина. Н.Подгорный, открывая

XXIV съезд, сказал, что все эти успехи „значительны и внушительны”.

Внешней иллюстрацией успехов Кремля на международной арене явилось и рекордное число присутствовавших на XXIV съезде делегаций коммунистических, „национал-демократический” и левых социалистических партий — всего от 102-х партий из 91-й страны. Л.Брежнев назвал эти партии воплощением „великого союза трех основных революционных сил современности”, добавив: *„Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться, не жалея сил (Бурные, продолжительные аплодисменты)”* („Правда”, 31.3.71).

Однако какая все-таки странная логика у большевиков: торжественно заявив, что Кремль не пожалеет никаких сил для торжества социализма (коммунизма) во всем мире, Брежнев тут же пожаловался на „империалистов”, которые, видите ли, „пытаются воскресить миф о „советской угрозе” (там же)...

Открытую идеологическую, материальную и организационную поддержку антизападных войн и коммунистических революций в чужих странах Кремль считает таким своим бесспорным законным правом, что людей, которые оспаривают это право, он иначе не называет, как лакеями империализма и поджигателями „холодной войны”.

Единственное сенсационное заявление, которое Брежнев сделал на XXIV съезде, касается причины идеологических раздоров между Пекином и Москвой. Но тут, как выражаются немцы, Брежнев „из нужды сделал добродетель”. Брежнев заявил: „Китайские руководители от нас требовали отказа от линии XX съезда” („Правда”, 31.3.71). В таком тре-

бовании Пекина сомневаться, конечно, не приходится, но нет никакого сомнения также и в том, что Кремль это требование, как мы показали выше, выполнил *на деле, фактически*. Однако Пекин требовал документальной капитуляции Кремля, восстанавливающей Сталина новым официальным решением партии во всех правах классика марксизма рядом с Марксом, Энгельсом, Лениным. Сами члены нынешнего Политбюро на XXII съезде, по всем пунктам и с новыми архивными документами, повторили против Сталина все обвинения Хрущева на XX съезде, что зафиксировано в опубликованных протоколах XXII съезда. К тому же это члены Политбюро (а не Хрущев) предложили выбросить труп Сталина из мавзолея как „преступника” (Н.Подгорный). Поэтому новое решение ЦК или съезда КПСС об официальной ревизии решений XX и XXII съездов (о „новшествах” в ленинизме и о преступлениях Сталина) означало бы для Политбюро публично совершить над собою политическое харакири. Члены же Политбюро способны на все, но только не на самоубийство.

1971 г.